

Встреча — эпизод 4 из 8

Ах, Николай, Николай, больно мне смотреть на тебя.

Это ты можешь; можешь душою болеть, сколько тебе угодно. Пусть будет больно; пройдет! Приглядишься, присмотришься, сам скажешь: какая я, однако, телятина; так и скажешь, помяни мое слово. Пойдем-ка, выпьем по рюмочке и забудем о заблудших инженерах; на то и мозги, дружище, чтобы заблуждаться... Ведь ты, учитель мой любезный, сколько будешь получать, а? Тебе все равно.

Ну, например?

Ну тысячи три заработаю с частными уроками.

Вот видишь: за три-то тысячи таскаться всю жизнь по урокам! А я сижу себе да посматриваю: хочу делаю, хочу нет; если бы фантазия пришла хоть целый день в потолок плевать, и то можно. А денег... денег столько, что они вещь для нас пустая.

В столовой, куда они вошли, все было готово для ужина. Холодный ростбиф возвышался розовой горой. Банки с консервами пестрели разноцветными английскими надписями и яркими рисунками. Целый ряд бутылок воздвигался на столе. Приятели выпили по рюмке водки и приступили к ужину. Кудряшов ел медленно и с расстановкою; он совершенно углубился в свое занятие.

Василий Петрович ел и думал, думал и ел. Он был в большом смущении и решительно не знал, как ему быть. По принятым им убеждениям, он должен был бы поспешно скрыться из дома своего старого товарища и никогда в него больше не заглядывать. Ведь этот кусок краденый, думал он, положив себе в рот кусок и прихлебывая подлитое обязательным хозяином вино. А сам что я делаю, как не подлость? Много таких определений шевелилось в голове бедного учителя, но определения так и остались определениями, а за ними скрывался какой-то тайный голос, возражавший на каждое определение: Ну, так что ж? И Василий Петрович чувствовал, что он не в состоянии разрешить этого вопроса, и продолжал сидеть. Ну что ж, буду наблюдать, мелькнуло у него в голове в виде оправдания, после чего он и сам перед собой сконфузился. Для чего мне наблюдать, писатель я, что ли?

Этакого мяса, начал Кудряшов, ты обрати внимание, не достанешь в целом городе.

И он рассказал Василию Петровичу длинную историю о том, как он обедал у Кноблоха, как его поразил своим достоинством поданный ростбиф, как он узнал, откуда доставать такой, и как, наконец, достал.

Ты попал как раз кстати, сказал он в заключение рассказа о мясе. Едал ли ты что-нибудь подобное?

Действительно, ростбиф отличный, ответил Василий Петрович.

Превосходный, братец. Я люблю, чтобы все было как следует. Да что ты не пьешь? Постой, вот я тебе налью вина.

Последовала не менее длинная история о вине, в которой участвовал и английский шкипер, и торговый дом в Лондоне, и тот же Кноблох, и таможня. Рассказывая о вине, Кудряшов попивал его и, по мере того как пил, оживлялся. На щеках его вялого лица обозначались румяные пятна, речь становилась быстрее и оживленнее.

Да что ж ты молчишь?